

АННЕНКОВА А. Ф. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АННЕНКОВА Александра Федоровна, родилась в 1880 в Санкт-Петербурге. Окончила Александровскую женскую гимназию, работала в убежище для девочек-проституток в Петербурге, затем — в Управлении колоний для малолетних преступников. В 1917 — в отделе Народного образования в Комиссии несовершеннолетних обвиняемых, с 1920 — старшая воспитательница в Доме для трудновоспитуемых мальчиков, в 1922 — помощница заведующего детским домом для трудновоспитуемых девочек в Детском Селе, затем заведующая Интернатом в Ленинградском экспериментальном Институте Детской Дефективности.

АННЕНКОВА Вера Федоровна, родилась в Санкт-Петербурге. Окончила Александровскую женскую гимназию. Работала воспитательницей по трудному детству и по беспризорности. В 1926 — оставила работу по болезни. С 1932 по 1935 — работала на Ленинградском Металлическом заводе им. Сталина.

20 марта 1935 — сестры высланы в Куйбышев на 5 лет как бывшие дворянки и дочери генерал-майора. В январе 1936 — Александра Федоровна обратилась к Е. П. Пешковой с просьбой о помощи.

<16 января 1936>

«В управление Помощи Политзаключенным
тов<арищу> Е. П. Пешковой

Александры Федоровны Анненковой.
г<ород> Куйбышев, Железнодорожный
поселок, Пролетарская ул<ица>, д<ом>
136/15, кв. 2.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Обращаюсь с просьбой пересмотреть мое дело о высылке меня из Ленинграда в г<ород> Куйбышев в марте месяце 1935 года и, насколько Вы найдете возможным, облегчить мое крайне тяжелое положение.

Находясь в настоящее время в очень тяжелом материальном положении, прямо в безысходной нужде, вызванной моей тяжелой болезнью и отсутствием работы с марта месяца, убедительно прошу:

1) или вернуть меня обратно в Ленинград, где я могла бы продолжать работать,

2) или оказать содействие в получении работы в г. Куйбышеве, где, несмотря на мой долголетний непрерывный стаж работы с трудными беспризорными, а также больными детьми, мне отказывают в работе, как ссыльной. Всю свою жизнь работала в учреждениях для трудных и больных ребят и посвятив всю свою жизнь этой работе — лишение меня этой работы является для меня самой тяжелой мерой наказания,

3) В виду крайней материальной нужды, дошедшей прямо до нищеты, в виду отсутствия работы и болезни я была направлена хирургом и др<угими> врачами на комиссию для получения хотя бы временной пенсии, но мне в пенсии, как ссыльной, также было отказано. Направление меня врачами на временную инвалидную пенсию было вызвано тем, что по высылке меня из Ленинграда — в г<ород> Куйбышеве, куда я приехала в марте месяце, я сразу же заболела роистым воспалением на правой ноге в очень тяжелой форме, давшей осложнения, и с которым я пролежала 2 месяца. Имея вообще предрасположения к роистым заболеваниям, я болела нынче восьмой раз.

В июле месяце я опять заболела острым колитом, также в тяжелой форме, от которого не излечилась окончательно и до настоящего времени. Все врачебные справки мною представлены в НКВД.

Помимо того я была отправлена из Ленинграда в г. Куйбышев с больною, поврежденною ногою. Имею поврежденное колено — после падения и ушиба в 1931 году — пострадала во время исполнения служебных обязанностей, на что имею удостоверение, выданное мне администрацией и врачом Ленинградского экспериментального института детской дефективности, где я в то время работала. Несмотря на длительное лечение, движения ноги у меня ограничены и болезненны, колено часто наполняется водою — приходится делать пункции — выкачивание воды — имеется постоянная отечность больной ноги.

Ввиду чего убедительно прошу, не найдете ли Вы возможным содействовать мне хотя бы в получении пенсии, в которой мне было отказано, как ссыльной.

Имея от роду 55 лет — родилась в 1880 году 22/IV — физическим трудом заниматься не могу. Не имея совершенно никого родных, кроме безработной сестры, высланной также со мною вместе из Ленинграда в г. Куйбышев, я ни от кого никакой материальной помощи не имею, и таким образом, будучи с марта месяца без работы и больной, я дошла до совершенно нищеты.

Высылка меня из Ленинграда в г<ород> Куйбышев произошла следующим образом. Ночью 13-го марта 1935 года в занимаемой мною комнате в Ленинградск<ом> Эксперимент<альном> Институте детской дефективности по ул<ице> Воинова, 14, где я последнее время работала, был произведен обыск, во время которого у меня ничего не было найдено. Затем после ареста — 21 марта я была выслана в г<ород> Куйбышев.

Во время моего ареста я была вызвана для опроса к тов. следователю, который меня спросил о моем происхождении, на что я ему ответила, что Анненковы, к которым я принадлежу, происходят из дворян Пензенской губ. Но я, будучи очень сильно расстроенной и взволнованной не указала тов. следователю на литературные и революционные заслуги моей семьи.

Дед мой Анненков И. В. был родным братом П. В. Анненкова, издателя первого собрания сочинения А. С. Пушкина, литератора, который в виду своего либерализма не мог ужиться в царской России, а жил постоянно за границею и умер в Баден-Бадене; он был другом Огарева, Герцена, Бакунина. Был лично знаком и состоял в переписке с Карлом Марксом. Письмо Карла Маркса к П. В. Анненкову в 1847 г<оду>, в котором он делился с ним своими мыслями, вошедшими в его последнее сочинение, напечатано и хранится в Академии Наук. Из нашего рода был также декабрист Иван Анненков.

Приписываемое мне звание дочери генерал-майора я также считаю неправильным, так как оно длилось всего только 5 месяцев. Родилась я в 1880 г<оду> в семье мелкого военного служащего главного штаба. Отец занимал там должность смотрителя здания, дослужился до чина полковника и перед смертью, будучи совершенно больным, и не имея окончательно выслуженной пенсии, был произведен в чин генерал-майора, что ему давало право на больший размер пенсии, — но, получив чин в июне месяце, — в декабре месяце того же 1903 г<ода> он умер. Так что генеральство его длилось всего 5 месяцев. И, кроме того, я считаю, что каждый человек отвечает за себя.

Кроме того, тов<арищ> следователь спросил меня — кого я знаю из бывших аристократов, на что я ответила категорическим незнанием, как оно есть и на самом деле.

Как я уже указала выше, отец мой был военнослужащий, занимал мелкую должность смотрителя здания Главного Штаба, где ныне площадь Урицкого, и никогда, ни к какой аристократии мы не принадлежали и ни с кем никогда с ними и не знались.

По окончании курса Александровской женской гимназии, где я получила образование, я сейчас же начала работать в Ленинграде по детской беспризорности. Работала в Убе<жище> для девочек-проституток, так как в царское время детская проституция была очень широко распространена, то работать приходилось очень много. Затем до 1917 года работала в Управлении колоний для малолетних преступников и, когда начался массовый саботаж, которому я не подчинилась, а перешла на работу в Отдел Народного образования в Комиссии несовершеннолетних обвиняемых. О моем переходе и моей работе может подтвердить инструктор по трудному детству профессор П. Г. Бельский, работающий в Ленинграде, так как в то время я работала у него в отделе.

В Комиссии Несовершеннолетних обвиняемых работала до 1920 года. С 1920 г<ода> по 1922 г<од> работала старшей воспитательницей во 2-м Детскосельском Доме для трудновоспитуемых мальчиков.

1922 год работала Помощницей заведующей Детским Домом для трудновоспитуемых девочек в Детском Селе.

В Июне месяце 1922 года была назначена заведовать Интернатом в Ленинградский экспериментальный Институт Детской Дефективности, где и работала до 20/III 1935 года, до дня отправки меня в г<ород> Куйбышев.

Прослушала Курсы по переподготовке работников с дефективными детьми, организованными Ленинградским Губ<ернским> О<тделом> Н<ародного> О<бразования> в 1918 году. Во время моей работы в Ленинградском экспериментальном Институте Детской Дефективности ввиду сильной загруженности работой я не могла уделять большого внимания общественной работе, — но все время работала в Комиссии по Госкредиту.

Сестра моя Анненкова В. Ф. жила независимо от меня, вначале она работала педагогом по трудному детству, затем перешла на работу на завод, и в ночь моего ареста ночевала случайно у меня в комнате, и также вместе со мной была выслана в г<ород> Куйбышев.

Убедительно прошу Вас пересмотреть мое дело и облегчить мое крайне тяжелое положение. И, кроме того, так ужасно сознавать, так мучительно больно переживать, что не можешь работать — никак не устроиться на работу, тогда, как и я, и сестра исключительно всегда жили только работою.

Удостоверения с мест работы у меня все имеются на руках. Послать же снятые с них копии — не могу, так как снятие каждой копии и заверка ее у нотариуса каждого удостоверения стоит по 1 рубля, а в настоящее время я никак не могу этого уплатить.

Александра Анненкова.

г<ород> Куйбышев, Железнодорожный Поселок, Пролетарская ул<ица>, д<ом> 136/15, кв. 2»¹.

В феврале 1936 — Александра Федоровна Анненкова вновь обратилась к Е. П. Пешковой.

<25 февраля 1936>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Из-за тяжелой болезни не могла сразу же ответить на Ваше отношение от 19/I за № 1782. Приношу Вам мою глубокую, глубокую

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1489.С. 279-282. Автограф.

благодарность, что Вы отозвались на мое крайне тяжелое материальное положение и разрешили мне прислать копии бумаг, заверенные только моею подписью. Благодарю Вас очень, очень.

Со слезами прошу Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, облегчите мое такое тяжелое положение, я совершенно погибаю, я так замучилась, сил уже больше нет. Вы сами видите, замучили меня бесконечные болезни, измучила страшная нужда, такая нужда, которую и представить себе трудно. Невыносимо стыдно, больно писать даже о той нужде, о той нищете, в которую я впала из-за болезни и безработицы. Измучили меня также и оторванность от любимой работы — работы с беспризорниками, работы с трудными ребятами, с которыми я работала всю жизнь. Не имя своих детей, я всю свою жизнь отдавала этим ребятам. В начале революции, как только была организована Комиссия о несовершеннолетних обвиняемых при отделе народного образования, я сейчас же начала работать в ней. Одним словом, с 1918-1935 вся моя работа — только с трудными ребятами. Когда мне в г<орode> Куйбышеве и Горono, и Крайono категорически отказали в работе, как высланной, я сейчас же бросилась в Здравотдел, думая, что, может быть, там мне разрешат ходить за больными детьми, но и там мне было отказано. Простите, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, что я беспокою Вас своими просьбами, своими слезами и страданиями, но я так много слышала о Вашей редкой отзывчивости, чуткости, что беру на себя смелость и решаюсь писать Вам это письмо с просьбою — помогите мне, спасите меня.

Еще раз искренно, искренно благодарю Вас и умоляю Вас, помогите мне, облегчите мою жизнь.

Если бы я только могла, была бы в силах высказать, как мне невыносимо тяжело.

Ал<ександра> Анненкова»².

В феврале 1936 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью и Вера Федоровна Анненкова.

«Глубокоуважаемая
Екатерина Павловна!

В заявлении моей сестры в НКВД она пишет и относительно моей высылке вместе с нею. Убедительно прошу Вас, рассмотрите и мое заявление и помогите мне в моем деле.

В марте 1935 года я была также выслана в г<ород> Куйбышев вместе с моею сестрою, тогда как я никогда не была на ее иждивении, всегда жила отдельно от нее, жила самостоятельно. Работала я до 1926 года на педагогической работе — была Воспитательницей по трудному детству и по беспризорности, воспитательскую работу оставила по болезни.

А с 1932 года по 1935 год я работала на Ленинградском Металлическом заводе им. Сталина

Очень извиняюсь, что так скверно пишу, у меня нарыв на пальце.

Вера Анненкова.

Мой адрес: г<ород>. Куйбышев, Пролетарская ул<ица>, д<ом> 136, кв. 2, Железнодорожный Поселок»³.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1489.С. 277-278. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1489.С. 275. Автограф.